

ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ

о революции,
демократии
и социализме

**Православная
Церковь о революции,
демократии и социализме**

ТД "Белый город"

2007

Православная Церковь о революции, демократии и социализме /
ТД "Белый город", 2007

добавить аннотацию

, 2007
© ТД "Белый город", 2007

Содержание

Предисловие	6
Государство и власть. Порядок в обществе	7
Исполнение властью своих обязанностей	20
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Православная Церковь о революции, демократии и социализме

Редактор-составитель Н.М. Терехова

ПО БЛАГОСЛОВЕНИЮ

Святейшего Патриарха Московского

и всея Руси

АЛЕКСИЯ II

Предисловие

*Настанет год, России черный год,
Когда царей корона упадет;
Забудет чернь к ним прежнюю любовь,
И пища многих будет смерть и кровь.*
М.Ю. Лермонтов «Предсказание», 1829 г.

В книге «Православная Церковь о революции, демократии и социализме» собраны высказывания русских святых, церковных деятелей и представителей культуры о власти, государстве, его различных типах, соотношении государства с Церковью. Рассматривается феномен революции, отношение к ней Церкви. Как правило, высказывания относятся к церковным и государственным деятелям XIX – начала XX вв. В эпоху распространения революционных настроений Церковь предупреждала о последствиях революции, к которой стремились в то время многие, показывала истинную сущность общественных бед и нестроений и возможные пути переустройства общества. Но ее не послушали. Всем известны последствия революции: уничтожение многовековой культуры России, убийство миллионов людей, множество оставшихся без дома и родины и оказавшихся в изгнании, закрытие и уничтожение множества монастырей, храмов, памятников культуры, разграбление и уничтожение материальных богатств страны. Пятнадцать лет назад в нашей стране произошел подобный переворот, также был разграблен бывший СССР, уничтожена экономическая база страны, множество людей оказалось в нищете, резко возрос уровень смертности населения, потому что люди оказались подверженными пропаганде, и послушали, и пошли за «реформаторами».

В настоящее время, когда Россия постепенно выходит из кризиса, восстанавливается экономика страны, некоторые псевдопатриоты, прикрываясь демагогическими лозунгами и называющие себя «демократами», все еще не теряют надежды устроить очередную «цветную» революцию и ввергнуть Россию в гражданскую, братоубийственную войну.

Опасность революционного разрушения существует в любое время, поэтому высказывания, приведенные в книге, актуальны и для современной ситуации, также как важны в настоящее время и рассматриваемые в книге проблемы соотношения власти и народа, государства и Церкви, наиболее приемлемого устройства общества. И к нашему времени можно отнести слова святителя Тихона, патриарха Московского и всея Руси, из его послания к «возлюбленным о Господе пастырям, архипастырям и всем верным чадам Православной Церкви Российской» от 19 января 1918 года: «Тяжкое время переживает ныне Святая Православная Церковь Христова в Русской земле: гонения воздвигли на истину Христову явные и тайные враги сей истины и стремятся к тому, чтобы погубить дело Христово и вместо любви христианской всюду сеять семена злобы, ненависти и братоубийственной брани».

В книге представлены высказывания оптинских старцев, свт. Феофана Затворника, свт. Игнатия (Брянчанинова), св. прав. Иоанна Кронштадтского, свмч. Иоанна Восторгова, К.П. Победоносцева, В.В. Розанова, К.Н. Леонтьева, С.Н. Булгакова, а также прп. Серафима Саровского, свт. Филарета (Дроздова). Даются высказывания и некоторых современных церковных деятелей, писавших о тех же проблемах: митрополита Иоанна (Снычева), диакона Андрея Кураева и других.

Н. Терехова

Государство и власть. Порядок в обществе

Как и откуда появилась первая власть среди людей?

...Первая власть есть власть родителей над ребенком с той минуты, как только он родился. Что было бы с этим ребенком, если бы над ним не было власти родителей? Что было бы с ним, если бы кто-либо, думая принести ему пользу и дать полную свободу, отнял бы его от отца и матери и оставил бы его одного, не дав ему никакой другой власти? Всякий ясно видит, что такой ребенок погибнет. Но мы знаем, как родители любят детей, питают их, нередко себе во всем отказывая; мы знаем, как мать бросается защищать своего ребенка, как чутко слышит она каждое его движение, как она понимает, что ему нужно, хотя ребенок не говорит ни слова. Кто же учредил такую власть родителей и подчинение детей? Кто? Конечно, Тот, Кто создал и родителей и детей, т. е. Бог. Итак, самая первая власть – от Бога. Это ясно как день.

Но в жизни во всех областях, везде и всегда нужна власть: нужны пастыри в Церкви, ибо без них в деле святой веры будет беспорядок и вечные раздоры; нужны судьи в жизни, ибо без них один беспрепятственно будет обижать другого; нужны правители, ибо без них будут бессильны и пастыри и судьи, которых не послушают злые люди; нужны учителя в училищах, ибо иначе зачем же собираться и ученикам, которые друг друга ведь ничему не научат; нужны военные начальники, ибо без них не будут знать, куда идти и что делать, и вместо стройного войска будет стадо; а все власти, чтобы быть согласными, чтобы не мешать, а помогать одна другой, должны иметь над собой одну высочайшую: это – власть царя.

Если бы вдруг уничтожить сразу все эти власти, то получилось бы то же, что с ребенком, если у него отнять родителей и оставить одного: произошла бы гибель всего народа от беспорядков и замешательства; тогда люди жили бы хуже и несчастнее зверей, потому что и среди животных и даже насекомых мы видим старших и распорядителей: пчелы и муравьи убеждают нас в этом.

Кто же установил власти в народах? Народ – это большая семья. И Тот, Кто установил и освятил власть родительскую в семье, т. е. Бог, Он же установил и всякую другую власть в большой семье – в народе. Слово Божие так ясно, и подробно, и убедительно учит об этом, что ни прибавить к нему, ни убавить от него ничего нельзя. Вот что говорит оно в поучение всем верующим: *Всякая душа да будет покорна высшим властям, ибо нет власти не от Бога; существующие же власти от Бога установлены.*

Посему противящийся власти противится Божию установлению. А противящиеся сами навлекут на себя осуждение. Ибо начальствующие страшны не для добрых дел, но для злых. Хочешь ли не бояться власти? Делай добро, и получишь похвалу от нее, ибо начальник есть Божий слуга, тебе на добро. Если же делаешь зло, бойся, ибо он не напрасно носит меч: он Божий слуга, отмститель в наказание делающему злое. И потому надобно повиноваться не только из страха наказания, но и по совести. Для сего вы и подати платите, ибо они Божии слуги, сим самым постоянно заняты. Итак отдавайте всякому должное: кому подать, подать; кому оброк, оброк; кому страх, страх; кому честь, честь. Не оставайтесь должными никому ничем, кроме взаимной любви; ибо любящий другого исполнил закон (Рим. 13,1–8).

Видите, как строго осуждает слово Господне всякое противление власти. Больше того: оно запрещает не только дело, противное власти, но даже слово, направленное против нее, и самую мысль о том: *начальника в народе твоём не поноси* (Исх. 22, 28), *и даже в мыслях твоих не злословь царя* (Еккл. 10, 20).

(Свмч. Иоанн Восторгов) [12, т. 2, с. 506–508]

Откуда сие множество людей, соединенных языком и обычаями, которое называют народом? Очевидно, что сие множество народилось от меньшего племени, а сие произошло из семейства. Итак, в семействе лежат семена всего, что потом раскрылось и возросло в великом семействе, которое называют государством. Там нужно искать и первого образа власти, и подчинения видимых ныне в обществе. Отец, который естественно имеет власть дать жизнь сыну и образовать его способности, есть первый властитель; сын, который ни способностей своих образовать, ни самой жизни сохранить не может без повиновения родителям и воспитателям, есть природно подвластный. Но как власть отца не сотворена самим отцом и не дарована ему сыном, а произошла вместе с человеком от Того, Кто сотворил человека, то открывается, что Он глубочайший источник и высочайшее начало первой, а следовательно, всякой последующей между людьми власти в Боге.

(Свт. Филарет (Дроздов)) [14]

Должно, говорят мудрецы века сего, повиноваться общественным властям на основании общественного договора, которым люди соединились в общество и для общего блага общим согласием учредили начальство и подчиненность. Вот прекрасное основание для того, чтобы на нем построить государство в высокоумной книге или в мечтательной голове, а не в природе вещей. Если думают, что нельзя иначе основать общество, как на общественном договоре, то не на нем ли основаны и общества пчел и муравьев?

И не надобно ли подлинно выламывающим соты и разрывающим муравейники поручить отыскивать в них... хартию пчел и муравьев? И доколе сего не сделано, ничто не препятствует нам думать, что пчелы и муравьи составляют общества не по договору, а по природе, по запечатленной в существе их идее общения, которую Творец мира и в сем низком круге своих созданий благоизволил осуществить. Если же нашелся в природе пример составления общества человеческого... И к чему годится вымысел общественного договора? Никто не может спорить против того, что начальный вид общества – общество семейное. Итак, младенец повиновется матери, а мать имеет власть над младенцем потому ли, что они договорились между собой, чтоб она кормила его грудью, а он как можно менее кричал, когда его пеленают? Что, если бы мать предложила младенцу слишком тяжкие условия? Не прикажут ли ему изобретатели общественного договора идти к чужой матери и договариваться с ней о его воспитании? Сколь удобно в сем случае приложение общественного договора: почти столько же оно удобно и во всех других случаях для всякого человека, от младенца до старца, от первого до последнего. Всякий договор человеческий может иметь силу только тогда, когда вступают в него с сознанием и по доброй воле. Много ли же в обществе людей, которые слышали о договоре общественном; а из немногих, которые о нем наслышались, многие ли о нем имеют ясное понятие? Спросите, не говорю простого гражданина, спросите мудреца договоров: когда и как вступил он в общественный договор? Во время совершеннолетия? Но кто определил сие время? И был ли он вне общества до совершеннолетия?

Посредством рождения? Это превосходно. При сей мысли охотно поздравляю всякого россиянина с тем, что он умел, не знаю, с родителями ли своими или с самой Россией, договориться, чтоб ему родиться в могущественной России... Опасаться только надобно, что ни рожденный, ни родители не думали о сем договоре в свое время, и потому ссылаться на него не значит ли подделывать оный? И следовательно, не вернее ли, как и проще, и в повиновении

и в прочих отношениях к обществу разбираться по праву и обязанности рождения действительного вместо вымышленного договора – сего сновидения общественной жизни, которое, будучи рассказано не в добрый час, произвело и производит вещественные бедствия человеческих обществ. *Поведали мне законопреступники (свои) рассуждения, но это – не закон Твой, Господи* (Пс. 118, 85).

(Свт. Филарет (Дроздов)) [14]

Что повиноваться должно, надобно ли сие доказывать? Где есть общество человеческое, там необходимо есть власть, соединяющая людей в состав общества; ибо без власти можно вообразить только неустроенное множество людей, а не общество. Но власть действует в обществе и сохраняет его посредством повиновения. Следственно, повиновение необходимо соединено с существованием общества. Кто стал бы колебать или ослаблять повиновение, тот колебал бы или ослаблял бы основание общества. Много ли в обществе людей, способных к повиновению по идеям и умозрениям? Когда смотрю на опыты, как на подобных умозрениях хотят в наше время основать повиновение некоторые народы и государства, как там ничто не стоит твердо, зыблются и престолы и алтари, бразды правления рвутся, мятежи роятся, пороки бесстыдствуют, преступления ругаются над правосудием, нет ни единодушия, ни доверенности, ни безопасности, каждый наступающий день угрожает, – видя все сие, не могу не заключить: видно, не на человеческих умозрениях основывать должно государственное благоустройство.

(Свт. Филарет (Дроздов)) [14]

Сколько ни живет человечество, не перестает страдать то от власти, то от безвластия. Насилие, злоупотребление, безумие, своекорыстие власти поднимает мятеж. Изверившись в идеал власти, люди мечтают обойтись без власти и поставить на место ее слово закона. Напрасное мечтание: во имя закона возникающие во множестве самовластные союзы поднимают борьбу о власти, и раздробление властей ведет к насилиям, еще тяжелее прежних. Бедное человечество в искании лучшего устройства носится точно по волнам безбрежного океана, в коем бездна призывает бездну, кормила нет – и не видать пристани...

И все-таки без власти жить ему невозможно. В душевной природе человека за потребностью взаимного общения глубоко таится потребность власти. С тех пор как раздвоилась его природа, явилось различие добра и зла, и тяга к добру и правде вступила в душе его в непрестающую борьбу с тягой ко злу и неправде, не осталось иного спасения, как искать примирения и опоры в верховном суде этой борьбы, в живом воплощении властного начала порядка и правды. Итак, сколько бы ни было разочарований, оболыщений, мучений от власти, человечество, доколе жива еще в нем тяга к добру и правде, с сознанием своего раздвоения и бессилия, не перестанет верить в идеал власти и повторять попытки к его осуществлению. Издревле и до наших дней безумцы говорили и говорят в сердце своем: нет Бога, нет правды, нет добра и зла, привлекая к себе других безумцев и проповедуя безбожие и анархию. Но масса человечества хранит в себе веру в высшее начало жизни, и посреди слез и крови, подобно слепцу, ищущему вождя, ищет для себя власти и призывает ее с непрестающей надеждой, и эта надежда жива, несмотря на вековые разочарования и оболыщения.

(К.П. Победоносцев) [16, Власть и начальство]

Власть как носительница правды нуждается более всего в людях правды, в людях твердой мысли, крепкого разумения и правого слова, у коих «да» и «нет» не соприкасаются и не сливаются, но самостоятельно и раздельно возникают в духе и в слове выражаются. Только такие люди могут быть твердой опорой власти и верными ее руководителями. Счастлива власть, умеющая различать таких людей и ценить их по достоинству и неуклонно держаться их. Горе той

власти, которая такими людьми тяготится и предпочитает людей склонного нрава, уклончивого мнения и языка льстивого.

(*К.П. Победоносцев*) [16, Власть и начальство]

Участь государства определяется вечным законом истины, который положен в основание их бытия, в который, по мере их утверждения на нем или уклонения от него, изрекает на них суд, приводимый потом в исполнение под всеобъемлющим судоблюстительством Провидения.

Что есть государство? Некоторый участок во всеобщем владычестве Вседержителя, отделенный по наружности, но невидимой властью сопряженный с единством всецелого. Итак, чем постоянное оно удерживает себя в союзе верховного Правителя мира соблюдением Его закона, благочестием и добродетелью, тем точнее входит во всеобщий порядок Его правления, тем несомненнее покровительствуется Им, тем обильнее приемлет от Него силы к своему сохранению и совершенствованию. Оставив Бога, оно может быть на некоторое время оставлено самому себе, по закону долготерпения, или в ожидании его исправления, или в орудие наказания для других, или до исполнения меры его беззаконий, но вскоре поражается правосудием как возмутительная область Божией державы.

Что есть государство? Великое семейство человеков, которое, по умножении своих членов и разделении родов, не будучи способным быть управляемым, как в начале, единым естественным отцом, признает над собой в сем качестве избранного Богом и законом государя. Итак, чем искреннее подданные предаются отеческому о них попечению государя и с сыновней доверенностью и послушанием исполняют его волю, чем естественнее государь и поставляемые им под собой правители народа, по образу его, представляют собой отцов великого и в великом меньших семейств, украшая власть благотворением, растворяя правду милосердием, простирая признание мудрости и благости от чертогов до хижин и темниц, тем соединяющие правление с подчинением узы – неразрывнее, ревность ко благу общему – живее, деятельность – неутомимее, единодушные – неразлучнее, крепость – необоримее. Но когда члены общества связуются только страхом и одушевляются только корыстью собственной, когда глава народа, презирая его, использует его в качестве орудия своего честолюбия и злобы, тогда есть покорные невольники, доколе есть крепкие оковы, есть служители кровопролития, доколе есть надежда добычи, а при наступлении общей опасности все связи общества ослабевают, народ без бодрости, престол без опоры, Отечество сиротствует.

Что есть государство? Союз свободных нравственных существ, соединяющихся между собою, с пожертвованием частью своей свободы, для охранения и утверждения общими силами закона нравственности, который составляет необходимость их бытия. Законы гражданские есть не что иное, как примененные к особым случаям истолкования сего закона и ограды, поставленные против его нарушения. Итак, где священный закон нравственности непоколебимо утвержден в сердцах воспитанием, верою, здравым, неискаженным учением и уважаемыми примерами предков, там сохраняют верность к Отечеству и тогда, когда никто не стережет ее, жертвуют ему собственностью и собой без побуждений воздаяния или славы, там умирают за законы, тогда как не опасаются умереть от законов, и когда могли бы сохранить жизнь их нарушением. Если же закон, живущий в сердцах, изгоняется ложным просвещением и необузданной чувственностью, нет жизни в законах писанных, повеления не имеют уважения, исполнение – доверия; своеволие идет рядом с угнетением, и оба приближают общество к падению.

(*Свт. Филарет (Дроздов)*) [15, с. 306–307]

Государство или какое-либо общество есть тело. Как в теле все члены вместе и каждый порознь поставлены на своем месте Богом, так и в теле общественном каждый поставлен на его месте Богом, причем и собственные дела каждого бывают причиной того или другого места.

(Св. прав. Иоанн Кронштадтский) [5, т. 1]

Анархисты (по-русски анархизм – безначалие)... учат, что люди будут счастливы без всякой власти, без всякого управления, забывая, что тогда на свободе разгуляются насилие, неправда, жестокость, жадность и хитрость, и эта общая война всех против всех сделает жизнь людей звериной; тогда воистину несчастьем будет родиться на свете; тогда человек для человека века станет волком. И все-таки нельзя будет обойтись без власти: власть тогда останется за сильными и злобными, только власть эта будет уже губительной для людей.

(Свмч. Иоанн Восторгов) [12, т. 2, с. 509]

Если склонность к роскоши, праздности, забавам расстраивает порядок в семействах, истощает богатства их, делает то, что дети, забытые родителями во время воспитания, взаимно забывают их после воспитания, – не прострется ли сие расстройство и на семейство семейств? Где будет богатство государства, которое слагается из богатств подданных? Где будут сыны отечества, когда не будет детей семейств?

Если различные состояния общества от неправильного движения страстей, подобно вывихнутым членам тела, выходят из свойственных им мест и пределов, не столько занимаются своими обязанностями, сколько чужими, втесняются в дела, совсем им не принадлежащие, например, воин хочет законодательствовать; не призванный Церковью поставляет себя учителем веры; поселянин прилагает ухо к молве о вольности, которой не понимает и которой не умеет пользоваться; гражданин мечтает о благородстве имени, не принадлежащем его званию, не поставляя в справедливую цену благородства духа, в приобретении которого никто ему не препятствует, – что может от сего последовать, как не то, что и весь состав тела государственного производить будет нестройные и нездоровые движения?

(Свт. Филарет (Дроздов)) [14]

Когда сильная, мудрая, правильная и всенаправляющая власть бодрствует и действует, поощряя одних и праведно наказывая других по делам, тогда все в обществе идет своим чередом. Жизнь духовная и материальная, учебная, политическая, хозяйственная, общественная, военная – все совершает свое обычное течение и развитие, принося всякую пользу всему государству. А когда вследствие общего неповиновения властям и бездействия подчиненных членов общества, как и бездействия властей, деятельность прекращается, как в органическом теле прекращается кровообращение, тогда все в обществе замирает, падает, разрушается, и общественная безопасность исчезает, и члены общества идут один против других, дается полный разгул воровству, хищению, вражде и убийствам. Так было в России, когда всюду все перестали работать – и учебные заведения, и мастерские с рабочими, и железные дороги, типографии, почты и телеграфы. Подлинно Россия пришла в состояние хаоса. Вот пагуба безвластия.

Древние языческие народы были безопаснее и счастливее в своей гражданской и семейной жизни, чем просвещенные (если только их можно назвать таковыми) Христовым учением русские люди, громко именующие себя образованными и интеллигентами. Воистину *мудрость мира сего есть безумие пред Богом* (1 Кор. 3, 19), и она такую именно показала себя.

В бесовском царстве есть порядок и подчинение одних злых духов другим, низших – высшим, менее сильных – более сильным, а в христианском государстве исчезли всякое подчинение, всякая власть: дети не признают власти родителей, подчиненные – власти начальства, воспитанники – власти воспитателей, студенты не признают власти профессоров и ректоров, все взяли в руки свои дирижерские палочки, и все стали повелевать, вместо того чтобы самим спокойно и без претензий, как бывало прежде, повиноваться и учиться. Выходит что-то загадочное, несуразное. Духовное руководство, священная власть Церкви попораны, бого-

служение пренебрегается, проповедь бессильна, нравственность христианская более и более падает, анархия растет – мальчики и девочки и те взяли волю свою...

Хочешь ли не бояться власти? Делай добро и получишь похвалу от нее... а если же делаешь зло, бойся, ибо не без ума меч носит (Рим. 13,3,4). Итак, Россия, Бога бойся, как прежде, и царя чти (1 Пет. 2, 17), и всякая душа да будет покорна высшим властям (Рим. 13,1). Аминь.
(Св. прав. Иоанн Кронштадтский) [3, ч. 3]

Господь даровал апостолам дар знания и мудрости, дар чудес и духовного полномочия совершать молитвы и священнодействия Таинств для созидания человеческого спасения и исполнения животворных повелений Христовых, а не на разорение нравственного и гражданского строя, как делают ныне непризванные переустроители людской нравственности и умственного знания и строя. Посмотрите, что делают или что намереваются делать наши интеллигенты: они всеми силами стараются уничтожить нравственные, церковные начала, искалечивают жизнь христиан, проповедуя какие-то новые пути и новые законы, уклоняющиеся к растлению нравов, к ниспровержению семейного христианского и государственного начала или к безначалию, учат детей своеволию, неповиновению власти родительской, юношей – властям, рабочий люд – хозяевам и заведующим работами, ставят жизнь вверх ногами. Если это так будет продолжаться, то последствия будут соответствовать пагубным началам. Нужна твердая власть, нужно дать всю силу законам, а поставленным от Бога пастырям вооружиться словом, и примером, и духовною властью, и силой духовного суда и предавать Праведному Суду Божию. Суд Божий не дремлет и не коснит, и непокорных ожидает страшное наказание вроде предания власти сатаны *во измождение плоти* (1 Кор. 5, 5), как это сделал апостол Павел с коринфским кровосмесником. Вспомним суд Божий над непокорными Дафаном, Кореем и Авироном.

(Св. прав. Иоанн Кронштадтский) [3, ч. 3]

Господи, Владыка царств и народов! Разгони вскоре изменническую Думу Государственную – да не будет ни одного из членов ее; избери угодных Тебе людей.

(Св. прав. Иоанн Кронштадтский) [6]

...Чтобы заслужить небесную помощь в тяжелых обстоятельствах отечества, нужна твердая вера в божественную помощь, а главное – покаяние в грехах, вызвавших гнев Божий на Россию, исправление нравов, а не усиление пороков во время самого разгара войны. Праведное небо не может быть в общении с человеческими неправдами. Какое может быть общение света со тьмою, правды с беззаконием, Христа с сатаною? (см. 2 Кор. 6, 15). Какого только еще не сделали зла русские люди и в России живущие? Какими еще не растлили себя грехами? Все, все сделали и сделают, что подвигает на нас праведный гнев Божий: и явное безверие и богохульство, отвержение всяких истинных начал веры, разврат, пьянство, всякие увеселения вместо того, чтобы облечься в траур общественного покаяния и печали о грехах, прогневающих Бога, неповиновение начальству. Непонятная автономия, обеспечивающая всем полную разнузданность и неповиновение начальству; своевольная, вредная для всех забастовка, полная анархия.

От Бога отступили мы, и Бог от нас отступил. Отвергли мы волю Божию, живем по своей воле и скоро увидим, к чему она приведет или привела уже. *Если же друг друга угрызаете и съедаете, –* говорит слово Божие, *– берегитесь, чтобы вы не были истреблены друг другом* (Гал. 5,15).

Какого же покровительства неба ждать нам, когда мы сами отвратились от Бога? Если не покаемся и не исправимся, мы будем оставлены Богом. *Се, оставляется дом ваш пуст, –* говорит Господь (Мф. 23,38). Но да не будет этого. Еще есть верные и избранные в России праведники, как некогда были в царствующем граде св. Андрей с Епифанием и другие. Аминь.

(Св. прав. Иоанн Кронштадтский) [2, слово 11-е]

Какой драматург диавол, какие он во сне сцены производит в духе нынешнего времени своеволия, неповиновения низших высшим, грубости их, насмешия над старшими... Упразднись, окаянный, на бесконечные веки в огне неугасимом (см. Мф. 3,12) со всеми твоими соблазнами. Ну, уж и драма, чисто адская драма!

(Св. прав. Иоанн Кронштадтский) [6]

Апостол Павел внушает епископу Титу, к коему пишет свое послание, или письмо, чтобы он напоминал христианам повиноваться и покоряться начальству и властям, быть готовыми на всякое доброе дело, никого не злословить, быть не сварливыми, но тихими и оказывать всякую кротость ко всем человекам. Это увещание надобно громко и с особенной силой обращать в нынешнее время ко многим заблудившимся и погибающим христианам, дерзко восстающим на попрание властей, поставленных от Бога, и на саму священную жизнь помазанников Божиих. Но где они? Как достигнет их слово Церкви, слово Христово? Они отвергают и Церковь. Но Слово Божие в действии своем и в самом шествии, распространении своем неограниченно. Оно дойдет и до них, и да просветит их омраченные смыслы и сердца. Вы же, братия, берегитесь таковых, и покоряйтесь безропотно начальству и властям, и будьте готовы на всякое доброе дело; оставьте злословие и сквернословие, брани и свары; будьте кроткими, тихими ко всем, по примеру тихости и кротости Христовой.

(Св. прав. Иоанн Кронштадтский) [7, с. 231–232]

Если царь или какая-либо вообще власть – светская или духовная – во многом ошибаются и поступают противозаконно по слабой совести или бесхарактерности, не презирай, не брани, но молись за них Господу, «да немощное уврачует и недостающее восполнит» (из молитвы на хиротонии), ибо без Бога мы не можем делать ничего истинно доброго и полезного.

(Св. прав. Иоанн Кронштадтский) [8]

Ныне более и более открывается великая книга природы, как откровение о Творце. Не говорит ли она яснее всего о единстве Строителя и Создателя, о единстве Владыки и Господа, о единстве Совершителя и Промыслителя всего. Где более спокойствия в мире, как не в Царстве Единодержавного Царя, Неограниченного Отца своего народа? В какой семье порядок и благоустройство, как не там, где сам отец устроит его. Во всех земных делах очевидно, что порядок и благоустройство возможны только там, где один хозяин и распорядитель. Подтверждает это и многим известная поговорка: «Дела делаются не людьми, а человеком». Единоначалие есть символ благоустройства, и обратно: благоустройство есть символ единоначалия.

Высочайшее благоустройство в царстве природы вселяет полнейшую уверенность в Единстве Царя и Господа всей твари.

(Св. прав. Иоанн Кронштадтский) [10, с. 20]

Братие! Не слышите ли вы и в наши дни воплей нынешних отцов и горьких слез и стонов матерей чуть ли не по всему лицу земли нашей? Это нынешние блудные сыны внесли слезы и горе в недра семьи! Посмотрите на них, на этих современных блудных сынов, особенно в нашем образованном обществе; их дерзость и бесстыдство воистину превысили всякую меру. Живут ли они дома в семье – их тяготит, не говорим уже – надзор или руководство, нет, тяготит их самое существование старших и сожительство с ними; учатся ли они – им не нравятся правила и порядки школы; на службе ли они или на какой-либо работе – для них тяжело и обидно всякое подчинение, невыносимо всякое стороннее руководство.

Чего же они хотят? Как евангельский младший блудный сын, и они хотят свободы, смешивая ее с необузданным произволом; о свободе они печатают, о ней всюду проповедают. И вот во имя этой свободы мысли и жизни для себя они требуют, чтобы старшие, родные и близкие отказались от своей свободы; чтобы эти последние жили и действовали не по своей воле, а по воле и указке младших и детей; чтобы зрелые и опытные люди уступили им, юным, место в обществе и государстве; чтобы юноши правили царством; чтобы учителя и воспитатели учились у учеников и их слушали; чтобы школой управляли не наставники, а наставляемые; чтобы вообще в жизни, в службе, в семье и в школе все отказались от своей свободы и воззрений ради свободы подростков и юных преобразователей семейного, школьного, общественного и государственного строя.

Но ведь, скажете, есть же меры воздействия, вразумления, наконец, и наказаний! Так подсказывает здравый смысл. Но здравый смысл оставляет наших блудных сынов, как оставил и евангельского блудного сына. Воздействий, вразумлений и наказаний они не признают, потому что они – враги всякого «насилия». И вот, чтобы не было над ними этого насилия, они сами употребляют насилие решительно по отношению ко всем, кто с ними не согласен: к родителям, бросая их, оскорбляя и признавая с ними одну связь, по которой родители должны присылать детям на жизнь и содержание деньги; к начальникам, издеваясь над их распоряжениями и доходя в безумии до кровавых покушений и убийств министров; к учителям, запугивая их шумными волнениями на уроках и всякими угрозами и оскорблениями; наконец, к собственным товарищам, подавляя их волю и разум стачками, угрозой позорного изгнания из своей среды и бесславия, а то и физическим воздействием. И слышим каждый год, и читаем с грустью: там волнения молодежи, там прекращение занятий, закрытие учебных заведений. Кругом столько работы, жизнь не останавливается, а требует умных, образованных тружеников, взывает к молодому поколению, но что до этого блудным сынам? Им нужна только пресловутая свобода. Для нее можно осквернить и храм Божий; для нее можно кричать и волноваться из-за того или другого устава школы в то время, когда кругом миллионы родного народа голодают; для нее можно поднять в историческом храме красные флаги с требованием уничтожения таких-то правил и чуть не потоптать ногами священные трофеи 1812 года... Что для них этот год, Отечественная война, великая эпопея благородной борьбы нашего народа с насильником и поработителем мира, и что для них слава родины! Им нужно, чтобы не было в школе правил, стесняющих их свободу. Что дня них тяготы родины, когда государство наше изнемогает теперь под тяжестью явных и тайных врагов, когда, пользуясь нашими затруднениями, нас хотят подавить экономически торговыми сговорами, когда нас лишают векового влияния на единое и единокровное славянство, когда подрывают наше влияние там, где мы его купили реками крови, связывая нас задором желтой расы, рвущейся к тому, чтобы внести огонь и меч в наши пределы? Блудные сыны устраивают в это время только собственное благо...

Но ведь для того, чтобы жить в столицах и больших городах и заниматься, как важным делом, волнениями и разговорами о разных преобразованиях школы и жизни, нужно же есть и пить, иметь жилье и одеваться... Откуда же взять на это средства? О, и на это готов ответ евангельского блудного сына и повторение его дерзкого, бесстыдного требования: «Отче, даждь ми достойную часть имения...» (т. е. следующую мне по праву), как будто и в самом деле дети владеют, как собственностью, частью имения родителей и могут по праву требовать то, что им не принадлежит и ими не заработано.

Таково часто наблюдаемое ныне положение дел. Неудивительно поэтому, что стон ныне часто стоит в семьях, что сердца отцов замирают от страха при виде подрастающих детей и представлении близкого времени их воспитания, что матери часто не осушают очей от слез и горя, что дети, наконец, нередко становятся не благословением, а тяготой и горем семьи.

(Свмч. Иоанн Восторгов) [12, т. 2, с. 340–342]

...Повиновение христианское есть повиновение особенное, запечатленное, как все в христианстве, характером свободы, неразлучной с сознанием, следовательно, характером нравственным. Всякое ли повиновение имеет эту нравственную цену? Вникнем в глубокий смысл этого учения христианского и поставим его ближе у сердца и сознания.

Окиньте взором всю совокупность бытия, и вы увидите, как повсюду в этой широкой и безграничной области, от величайших светил, подчиненных с изумительной точностью закону движения и закону мирового тяготения, и до мельчайших, незримых, предполагаемых атомов, до последней пылинки и капли воды, – все устроено числом, мерой и весом, все повинуетя установленным законам бытия, которые в своем действии обращают мир в стройный и прекрасный космос, в отличие от беспорядочного хаоса. Какое везде удивительное повиновение! Все здесь необыкновенно точно, ясно, последовательно и непреложно, но вместе с тем – и этого не нужно забывать – все здесь и не свободно, принудительно, бессознательно; все совершается механически и однообразно. Нет, не здесь образ христианского, нравственного повиновения! Здесь только непреложное по силе убедительности средство увериться в том, как необходимо вообще повиновение и как без него через один момент весь мир обратился бы в беспорядочное смешение и ничтожество.

Перейдем в область человеческих отношений, и здесь мы увидим, как то же повиновение, постепенно поднимаясь от механического и животного до человеческого и христианского, заключается великими и святыми словами: «Да будет воля Твоя, яко на небеси и на земли...» Начиная от первоосновы человеческого общежития – семьи – и оканчивая последним словом его, сколько бы ни разнообразились формы общественной жизни, всегда и везде и неизменно повиновение было и будет основным условием порядка, спокойствия и счастья людей. Повторяем только, что оно и в человеческих обществах, и в отдельных лицах постепенно и понемногу очищается и возвышается под воздействием христианства.

Есть повиновение из-за выгоды: за него хорошо платят деньгами ли, положением ли в обществе и государстве, платой ли тщеславия или самолюбия, – это все равно; во всяком случае, это повиновение корыстолюбца. Если апостол говорит, что нужно повиноваться Господу ради, то здесь (т. е. в повиновении из-за выгоды) повиновение только себя ради. Есть в нем, конечно, сознание, но нет свободы и любви. Нет, и не здесь нам учиться христианскому повиновению! Царство Божие – не для корыстолюбцев, и даже то повиновение, которое, оставив земное, водится ожиданием наград небесных и рассматривает их как исключительный мотив для своей деятельности, и это повиновение не чуждо упрекать в корыстности и, следовательно, в нравственной малоценности. Без всякого сомнения, с христианской покорностью связана награда, но она служит только следствием Божественной милости и правды, а не побуждением к деятельности, по крайней мере, не высшим, не совершеннейшим: для повиновения высший и достойнейший мотив есть любовь, и небо есть удел любящих. Так, святой апостол Павел повиновался долгу своему; он же указывал и вечные радости того нерукотворенного и вечного дома, который унаследуем мы по разрушении хижины тела (см. 2 Кор. 5, 1). Но любви его не удерживает даже лишение этих вечных радостей: великая для него печаль и непрестанное мучение сердцу его; он желал бы сам быть отлученным от Христа за братьев своих, родных ему по плоти, т. е. за израильтян, лишь бы видеть их уверовавшими и спасенными (см. Рим. 9,2–4). Пусть после этих слов кто-нибудь скажет, что покорность христианина долгу есть покорность себялюбца!

Есть другое повиновение – повиновение раба. Раб долга – как многих восхищало это слово! Слепое и безусловное повиновение – как многие ставят это в особую заслугу подчиненным и в образец для своей или чужой деятельности! Римская государственность и философия стоиков завещали миру этот идеал повиновения как единственно верный. Кажется, будто оно выше животного повиновения корыстолюбца.

Но нет ли и в нем унижающего человеческий дух элемента животности? Ведь раб есть служитель страха, управляемый бичом приставника. Но если, братья мои, небо назначено для сердец любящих, то нужно помнить великое слово апостола: *В любви нет страха, но совершенная любовь изгоняет страх, потому что в страхе есть мучение. Боящийся несовершен в любви* (1 Ин. 4,18). Не Христос ли был Господом и учителем Своих учеников? Но вот в последнюю беседу с ними, когда они получают полномочия служить Его делу и продолжать это дело на земле, Он Сам называет их друзьями Своими и при этом добавляет: *Я уже не называю вас рабами, ибо раб не знает, что делает господин его* (Ин. 15, 15).

Слова нет: слепое повиновение легче, чем сознательное и любовное, как не требующее ни усилий, ни размышления; слова нет: часто и очень часто это повиновение производило чудеса и служило значительным средством успеха в добре.

Но кому видно, что это же повиновение может быть обращено с таким же успехом и в орудие зла? Кому не видно, что если бы Господь нуждался в рабах долга, слепых и работающих не любовно, а страхом, то разве Он не мог бы явить Сына Своего в подавляющей величии силы и власти, разве не мог бы Он дать Ему более двенадцати легионов Ангелов (см. Мф. 26,53), которые бы огненными мечами внушили страх людям, принудительно обратив их в рабов долга? Не мог ли Он оградить исполнение воли Своей страшными наказаниями, немедленно следующими за грехом, и таким образом создать в людях низменное себе повиновение? Но тогда бы человек был скорее вещью, а не свободной личностью; тогда бы и в повиновении его было столько же нравственного элемента и столько же нравственной заслуги, сколько есть их в движении планет и в росте дерева...

Но Бог, создав нас разумными, и свободными, и любящими, желает от нас и повиновения, которое было бы проникнуто не теми свойствами выгоды и страха, которые общи у нас с животными, а теми истинно человеческими свойствами свободы, любви и разума, которые являются в нас постоянными и существенными, отличающими нас от мира бессловесного и неразумного... В творении человека душою разумною и свободною Бог увенчал Свое Творение. Мир вещественный повиновался Ему по неизбежному закону, по закону, родственному этой неизбежности, повиновался Ему и мир животный. Тогда, как венец творения, из рук Создателя исходит человек, исходит существо, которое, по плану Творца, свободно и сознательно должно отвечать на Его любовь и свободно и сознательно исполнять Его волю. Величие христианина в том и состоит, что он отвечает этому намерению Творца своего. И здесь, о братья мои, первообраз высшего и нравственного повиновения: *как свободные*, – говорит апостол, – *не как употребляющие свободу в прикрытие зла* (1 Пет. 2, 16). Здесь повинуются *не только из страха наказания, но и по совести* (Рим. 13, 5), здесь не в глазах только служат, как человекоугодники, но в простоте сердца делают все от души, как для Господа, а не для человеков (см. Кол. 3,22–23). И что главное всего и что выше всего, в этом повиновении неизменно и непременно сохраняется в полной силе великое изречение апостола: *к свободе призваны вы, братья* (Гал. 5,13). Так и Богочеловек, будучи не только свободным, но и Владыкой неба и земли, волею смирил Себя, *быв послушным даже до смерти* (Флп. 2, 8); в час тягчайшей муки, когда Он душу свою полагал, имея, по Его собственным словам, полную *власть* и свободу *отдать ее и...опять принять ее* (Ин. 10,17–18), в час душевного борения до кровавого пота Он говорил Отцу Своему: *не Моя воля, но Твоя да будет* (Лк. 22,42).

Только такое повиновение, сохраняя личность и нравственную цену человека, не унижая его, дает обществу и государству таких слуг, которые исполняют долг и безвестный, и не картинный, и не кричащий, которые перенесут страдание, и мучение, и притом *не с видимою только услужливостью... но от души* (Еф. 6, 5–6), перед господином *не только добрым и кротким, но и суровым* (1 Пет. 2, 18); они исполняют долг не ради выгоды, не ради чести и не из страха: не только тогда, когда нарушение долга несет за собою кару, но и тогда, когда оно может пройти незаметно, безнаказанно. А сколько нужно таких тружеников! Сколько и

теперь разбросанных в неприметных уголках земли в невидной обстановке, неведомых, неприметных, которые, однако, своим повиновением долгу хранят благо и счастье отечества! Мир вам, братья! Хвала и покой совести и Божие благословение – труду и подвигу награда!.. Так мы нередко пьем воду из реки, забывая об ее источниках...

(Свмч. Иоанн Восторгов) [12, т. 1, с. 208–213]

Жизнь часто сравнивают с войной, не в смысле животной борьбы за существование, резкости которой должны более сглаживаться и таять в христианской культуре, а в смысле борьбы добра и зла, света и тьмы, правды и неправды. Христианская, воинствующая на земле Церковь ведет эту борьбу; не свободно от нее и христианское государство. На войне требуются дисциплина неумолимая и повиновение самое строгое, кто против этого спорит? Но вот в жарком и решительном сражении, в то время как одни воины занимают передние ряды, славные мужеством и отвагой, видимо отвоевывая победу чудесами храбрости, ценой жертв и усилий, другие воины стоят на одном месте: стоят в течение долгих, томительных и страшных часов; стоят недвижимые, с оружием в руках в то время, как убийственный огонь неприятеля, посядающие ядра его пушек уносят из их рядов одного за другим; стоят, сгорая желанием двинуться в бой, но, верные приказу, остаются на месте, понимая значение своего поста, и иногда даже не смеют отвечать на неприятельские выстрелы. Кончилась битва, и объявлена блестящая победа. Первые идут, увенчанные славой, богатыми трофеями, и далеко разносятся их имена, как имена героев, воистину по заслугам. А вторые... которые не менее, если более, влияли на исход битвы? Не прославятся их имена, не огласятся их подвиги, и неведомы останутся погибшие герои, а между тем для такого-то именно молчаливого подвига на войне избираются самые опытные, самые дисциплинированные воины. Только разумное, добровольное и любовное повиновение может дать таких воинов: в числе их и в великой жизненной войне, и в службе отечеству так или иначе, с той или другой стороны приходится быть каждому из нас. Пусть же будет и наше повиновение нравственно христианским, а не животн-себялюбивым и рабским! Пусть печатью разума, любви и свободы будет закреплено наш служение царю и отечеству! И пусть на нашей родной земле и семья, и школа, и жизнь общественная воспитают побольше таких слуг царю и отечеству, которые бы повиновались долгу звания как христиане, а не как человекоугодники, как свободные и любящие сыны, а не как трусливые рабы! Царство земное в этом случае подобно царству небесному, и оно открыто только для свободно-разумных и любовно работающих сердец. Аминь.

(Свмч. Иоанн Восторгов) [12, т. 1, с. 213–214]

...Вы знаете, что почитающиеся князьями народов господствуют над ними, и вельможи их властвуют ими. Но между вами да не будет так: а кто хочет быть большим между вами, да будет вам слугою; и кто хочет быть первым между вами, да будет всем рабом (Мк. 10,42–44).

...Да, скажут: тут наставления царям и правителям. Нет, друг, это тебе наставление! Сказано: «кто хочет», а мы-то больше всего этого и хотим... Не станем говорить о людях властных и сильных, так ли они понимают и исполняют свои высокие обязанности. Среди нас нет таких властных; пусть же они сами и дадут ответ перед Богом, и не нам судить их, хотя, правду сказать, в наше время очень любят заниматься этими пересудами.

Посмотрим лучше на себя самих Да, в наши дни уже не старшие, а младшие, подчиненные, часто совсем дети, стремятся к властительству, забывая о подчинении. Высоко было призвание апостолов, но Спаситель указал им на их обязанности в то время, как они помышляли только о правах. Но апостолы впоследствии уразумели свою ошибку и венцом мучеников доказали, что они усвоили и исполнили учение Христа. У нас не то. Спросите, чего мы больше хотим: прав или обязанностей? Но ведь на правах все ныне помешаны, и сознавать свои права,

добиваться их во что бы то ни стало – и силой, и злобой, и преступлением, и кровью – считается ныне признаком особого развития и умственной высоты. Естественно, при этом у других видят только обязанности и одних обязанностей от них требуют, а себе приписывают одни права, чаще всего преувеличенные до безумия. И видим: рабочие хотят управлять хозяевами, ученики – учителями, младшие – старшими, а юнцы, которым нет и двух десятков лет, желают управлять всем царством и поучать царя и правительство. Что значат эти бунты рабочих, грубости детей, волнение молодежи, беспорядки и возмущение против власти, грубость прислуги, высокомерное обсуждение действий начальников и старших? Вот главное зло нашей жизни и отступление от заветов Спасителя!

(Свмч. Иоанн Восторгов) [12, т. 2, с. 350–351]

Доверие к государственной власти, преданность и послушание правительству, желание соединиться под его знаменем, дружная творческая работа вместе с ним и под его руководством вместо бесплодного пошлого критиканства, слишком разъедающего наш образованный класс, способность и готовность на всякие жертвы, способность стать выше мелочного самолюбия и мелочных интересов – вот что, вот что теперь для нас всего нужнее!

(Свмч. Иоанн Восторгов) [12, т. 2, с. 419]

Есть у нас государство. В государстве – царь и подданные, начальники, от царя поставленные, и подчиненные. Если бы не было этого, не было бы и государства. А если бы не было государства, то невозможна была бы и общественная жизнь людей, как невозможно из песка выстроить дом, пока песок, глину, землю мы не обратим в кирпичи... Но что это видим? Что слышим? И о царе начинают судить, и царя начинают осуждать, и кто же? Иной от земли не виден, мальчик безусый учит царя, как надо управлять царством; иной, у себя в доме и хозяйстве ничего доброго и полезного не устроивший, пространно рассуждает, как устраивать государство, и других смущает своими суждениями! Какой позор! Какое падение! Какой стыд, и особенно для казаков, для военных людей, знающих, как важно иметь повиновение, понимающих, что значит дисциплина, – для казаков, предки которых завоевали в беззаветной преданности царю и государству эти пространные земли у врагов Креста Господня! Но о царе все-таки осмеливается судить редкий наглец. Зато о начальниках кто теперь не судит вкривь и вкось? Кто не слышал различных обманных, клеветнических о них речей? А если и есть им повиновение, то христианское ли это повиновение? А христианское повиновение есть повиновение не по насилию, не из-под палки и угрозы, а Господа ради, не за страх, а за совесть, *не с видимою только услужливостью* работая, *но как рабы Христовы... от души* (Еф. 6,6). Тогда будет у нас в государстве настоящее единение. В государстве – родная земля, родной народ, родная жизнь, родные нравы и обычаи, родной, исстари сложившийся и привычный, Церковью освященный и предкам заповеданный государственный строй. Пусть же не будет раздвоения, пусть не слышатся призывы подражать в этом отношении чужеземцам, пусть не будет постоянных указаний на иноземные образцы. Иначе жизнь расколется, мы разъединимся.

Есть у нас общество, общественная жизнь. Пусть общественная жизнь, этот плод единения людей, идет к тому, чтобы укреплять это единение, а не губить его: выборные ваши пусть неленостно и честно несут свои обязанности, пусть не уклоняется никто от общественных должностей, пусть никто не употребляет их в свою пользу и для своего личного обогащения и благополучия, пусть каждый стремится к общественному благу, а те, которые не призваны к общественной деятельности, пусть не завидуют тем, кто призваны, пусть прекратят распространять о них тревожные слухи, без которых теперь в буквальном смысле не проходит дня. Иначе общественная жизнь не устоит и рассыплется.

(Свмч. Иоанн Восторгов) [12, т. 2, с. 494–495]

Кто новые учителя, появившиеся теперь в нашем отечестве и учащие народ противиться власти. Это враги Божии и враги народа, ибо они своей пагубной проповедью принесут ему только гибель...

Но посмотрите на самих лжеучителей в их преступной деятельности, которая теперь открыта пред всеми после кровавых бунтов ослепленных ими и сбитых с толку несчастных рабочих. Посмотрите: они отвергают власти, учат не платить податей, не повиноваться начальству. Но стоит им хотя на минуту собраться вместе для своей преступной и разрушительной работы, как у них тотчас же появляются свои власти: у них самих есть комитеты, бюро, распорядители; они собирают насильно деньги и взносы, наказывают своих слушников, убивают противников. Не ясно ли, что они не могут и сами обойтись без власти? И поверьте, они хотят этой своей власти подчинить народ. Только одна разница: вместо теперешней власти, законной, они хотят дать свою, незаконную; вместо власти царской, Богом установленной, хотят дать власть свою, самозванную. Этим самым они вместо мира принесут нестроения; вместо покойной жизни принесут стачки, бунты, забастовки, убийства; вместо человеческой жизни устроят звериную; вместо обещанной свободы дадут рабство и запугивание всех, кто с ними не согласен, как они и делали во время стачек; вместо счастья они дадут погибель и слабость, которой воспользуются наши враги. Самые страшные времена были в истории именно те, когда не было законной власти. Кто любит ближних, кто любит свой народ, кто слушается слова Божия, кто хочет самому себе счастья, кто не потерял совсем разума, тот всеми силами, всей любовью, не по страху, а по совести, свободно и с усердием поддерживай власть, по заповеди Божией, и знай, что безвластие – худшее из всех общественных и государственных несчастий.

Правда, бывают нередко правители неумелые, иногда несправедливые, иногда и прямо худые и вредные. Помнить, однако, нужно, что и правители – люди, а где люди, там всегда и ошибки, и слабости, и пороки. Правители ведь выходят из нашей же среды; каковы мы, таковы и вышедшие от нас, назначенные или выбранные представители власти. И затем: не бунтом, не злобой и не насилием исправляется власть.

Какие правители были при Иисусе Христе? Тогда правили народом злой Пилат, лукавый Ирод, а высшими служителями Бога и святого храма были маловерные тесть и зять – Анна и Каиафа; как бы в насмешку они звались первосвященниками. И что же? И Спаситель наш, и Его апостолы не шли против них с бунтом и возмущениями и не учили тому других. Напротив, они подчинялись их распоряжениям и принимали от них суд. Правда, когда Спасителя ударили по лицу на суде у Анны, Он на это возразил словом: «Если Я сказал правду, за что бьешь Меня?» (см. Ин. 18,23). То же делали и апостолы на суде у царей и первосвященников: они ссылались на свои права, они искали правосудия и справедливости (см. Деян. 16, 37; 23,1–3).

Но этот путь слова открыт и нам, над одними правителями поставлены у нас другие, высшие: земля наша не бессудна; можно указать перед судом и высшей властью на всякую неправду. И *взявшие меч*, по слову Христову, *мечом погибнут* (Мф. 26, 52). Теперь о свободе слова, ищущего правды, объявил и государь в манифесте от 17 октября; теперь в новоучреждаемой Государственной Думе свободно может раздаваться слово каждого гражданина, кто бы он ни был, и власть должна и обязана выслушать его.

Христианин! По примеру и завету Господа и Его апостолов, власти повинуйся... Из любви к родине, к порядку, к общему благу всех людей ближних, – власти повинуйся!

(Свмч. Иоанн Восторгов) [12, т. 2, с. 509–511]

Исполнение властью своих обязанностей

... Вот что удивительно: власть боится употреблять меч против заносящих меч или бросающих убийственные снаряды, между тем как крамольники безнаказанно употребляют убийственное оружие против властей; власть не владеет данным ей от Бога мечом. Зато верные слуги отечества, как снопы, валятся и некому защитить их.

И когда я говорю так, то, думаю, и на меня заносят свой меч эти отъявленные враги всякой правды, враги Церкви Христовой. Но Вечный и Бодрый, живущий на небесах, да сохранит борющихся против неправды. *Вот, не воздремлет и не заснет Хранитель Израиля* (Пс. 120, 4). Никогда не бывавшие прежде явления мы видим: отроки и юноши, только вступившие в жизнь и не понимающие ее, цели ее, хотят господствовать над мужами опыта и науки, над людьми, с пользой, честью и славой послужившими отечеству, над людьми властными, облеченными доверием царским. Поистине, мальчики господствуют над старцами, по пророку Исаии. Когда же этому будет конец? Когда власть с умом будет носить меч? Когда воспримет от Бога дарованную силу и вселит страх в тех, которые хотят господствовать над властями страхом?

(Св. прав. Иоанн Кронштадтский) [2, слово 12-е]

Да где же власть, сильная, авторитетная, самосознающая, ответственная, Богом учрежденная и от Него получающая свою силу и свой страх? Возьми ты, власть, данное тебе от Бога право и твердою рукою держи данные тебе Богом скипетр и державу и будь страшна всем врагам Божиим и твоим. Тогда, увидев твой скипетр и державу в крепких руках, все злые будут праведно бояться тебя, а добрые – радоваться.

(Св. прав. Иоанн Кронштадтский) [З.ч. 3]

Не скорби безутешно о злополучии отечества, о проигранных войнах (с Японией), о наступлении на нас Австрии, Германии, Англии, Финляндии, Польши (хотя это две части России), Италии; о потере военных кораблей («Олег», в начале октября сего года надвинутый нарочито на камни Гирсом), о громадных потерях государства от поджогов (заводы разные). Скорби о том, что ты плохо подвигаешься к отечеству нетленному, вечному, на небесах уготованному, что сердце твое далеко от Бога. Земное отечество страдает за грехи царя и народа, за маловерие и недалковидность царя, за его потворство неверию и богохульству Льва Толстого и всего так называемого образованного мира министров, чиновников, офицеров, учащегося юношества.

Молись Богу с кровавыми слезами об общем безверии и развращении России.

(Св. прав. Иоанн Кронштадтский) [6]

Господи, вразуми студентов; вразуми власти; дай им правду Твою и силу Твою, державу Твою. Господи, да воспрянет спящий царь, переставший действовать властью своею; дай ему мужество, мудрость, дальновидность.

Господи, мир в смятении; диавол торжествует, правда поругана. Восстань, Господи, в помощь Церкви Святой. Аминь.

(Св. прав. Иоанн Кронштадтский) [6]

Пора заговорить против партии беспорядка иной партии – партии порядка, если только можно ничтожную кучку злодеев, с одной стороны, и необъятную Россию – с другой, назвать этим избитым именем «партия». Пора обнаружить нам свою духовную мощь и показать дерзким злодеям единодушное и общественное осуждение и презрение к их преступной деятельности.

И пусть только услышится твердый тон в семье, в школе, в литературе и обществе; пусть только громко раздастся смелое слово и обнаружится смелая деятельность каждого из нас: сгинут тучи, которые теперь темной полосой протянулись над нашим небосклоном, сгинет этот туман, имеющий вид силы и значения, а на самом деле ничтожный и жалкий. Если же это будет сделано, то, конечно, враги нашей родины убийствами не достигнут своих целей, не запугают верных слуг царя и отечества и их усилия разобьются перед непоколебимой нравственной мощью и верностью нашего народа царю, но мы-то пред лицом Высшей Правды, перед родиной и пред совестью нашей, – мы, каждый из нас, будем виноваты в злодеяниях и будем им причастны. А в особенности и по преимуществу в этом будут повинны те, кому Церковь, государство и общество вверили управление народом и облекли доверием, санами, чинами, силой и правами. Ибо непреложен навеки нравственный закон: «Кому много дано, с того много и взыщется» (см. Лк. 12,48). Аминь.

(Свмч. Иоанн Восторгов) [12, т. 2, с. 398–399]

Нет власти не от Бога (Рим. 13,1). Слово это обращено подвластным, но оно относится столь же внушительно и к самой власти, и о, когда бы сознавала вся власть все его значение! Великое и страшное дело власть, потому что это дело священное. Слово «священный» в первоначальном своем смысле значит «отделенный», на «службу Богу обреченный». Итак, власть не для себя существует, но ради Бога и есть служение, на которое обречен человек. Отсюда и безграничная страшная сила власти и безграничная, страшная тягота ее.

Сила ее безгранична, и не в материальном смысле, а в смысле духовном, ибо это сила рассуждения и творчества. Первый момент мироздания есть появление света и отделение его от тьмы. Подобно тому и первое отправление власти есть обличение правды и различение неправды: на этом основана вера во власть и неудержимое тяготение к ней всего человечества. Сколько раз и повсюду вера эта обманывалась, и все-таки источник ее остается цел и не иссякает, потому что без правды жить не может человек. Отсюда происходит и творческая сила власти – сила привлекать для добра, правды и разума, возбуждать и одушевлять их на дела и подвиги. Власти принадлежит и первое и последнее слово – альфа и омега в делах человеческой деятельности.

(К.П. Победоносцев) [16, Власть и начальство]

Дело власти есть дело непрерывного служения, а потому, в сущности, – дело самопожертвования. Как странно звучит, однако, это слово в ходячих понятиях о власти. Казалось бы, естественно людям бежать и уклоняться от жертв. Напротив того, все ищут власти, все стремятся к ней, из-за власти борются, злодействуют, уничтожают друг друга, а достигнув власти, радуются и торжествуют. Власть стремится величаться и, величаясь, впадает в странное мечтательное состояние – как будто она сама для себя существует, а не для служения. А между тем непререкаемый, единый истинный идеал власти – в слове Христа Спасителя: «Кто хочет быть между вами первым, да будет всем слуга»¹

¹ Ср. Мк. 10, 43. – *Здесь и далее, если не помечено, прим. ред.*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.